

М. Л. Кисилиер
СПбГУ/ ИЛИ РАН, Санкт-Петербург, Россия. m.kisilier@spbu.ru
Т. Соллиек
CNRS/LACITO, Франция. tanguy.sollic@gmail.com

НОВОГРЕЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ И ДИАЛЕКТОМЕТРИЯ*

Новогреческая диалектология как научная дисциплина сформировалась к середине XIX столетия, и, помимо описания отдельных диалектов, одной из ее задач стало создание их классификации, а также обсуждение параметров, по которым их можно было бы группировать. Несмотря на многочисленные попытки, до сих пор не удалось разработать диалектную классификацию, которая бы одновременно опиралась на разные параметры, учитывала данные даже таких «необычных» диалектов как понтийский и цаконский, и вместе с этим отражала не гипотетическую «идеальную» ситуацию, а реальное состояние дел. В настоящей статье демонстрируется, как к новогреческим диалектам можно применить методы диалектометрического анализа. Подобный подход представляется очень перспективным, поскольку он позволяет не просто ориентироваться на традиционные изоглоссы, а учитывать новые параметры, в том числе и такие, которые обнаруживаются непосредственно во время проведения диалектометрического исследования. Данные новогреческих диалектов изучаются с использованием расстояния Хэмминга и расстояния Левенштейна.

Ключевые слова: новогреческая диалектология, диалектные классификации, диалектометрия, расстояние Хэмминга, расстояние Левенштейна.

Maxim Kisilier
SPb University/ILS RAS, St. Petersburg, Russia. m.kisilier@spbu.ru
Tanguy Sollic
CNRS/LACITO, Франция. tanguy.sollic@gmail.com

Studies in Modern Greek dialects and dialectometry

Modern Greek dialectology as a research domain appeared in the 19th century. Almost always its main goals were not just a description but the classification of Modern Greek dialects and the elaboration of the relevant distinctive parameters. Despite multiple attempts, we still lack a

---

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 22-48-09003 «Атлас балканского языкового ареала». Руководители А. Н. Соболев и Э. Адаму.

classification which could take into account various types of parameters, include such «special» dialects as Pontic and Tsakonian, and describe not a hypothetical but the real state of art. This contribution intends to demonstrate how the methods of dialectometric analysis could be applied to Modern Greek dialects. The approach looks very promising as it makes possible not just to use traditional isoglosses but to implement new parameters as well just in the course of dialectometric research. Our paper investigates the data from Modern Greek dialects using such methods as the calculation of the Hamming distance and the Levenshtein distance.

Keywords: studies of Modern Greek dialects, classifications of Modern Greek dialects, dialectometry, Hamming distance, Levenshtein distance

1. Вводные замечания и постановка проблемы

Новогреческая диалектология как научная дисциплина появилась в XIX в., когда европейские ученые, в первую очередь — специалисты по классической филологии, усиленно принялись искать древнегреческие черты в современном им языке. Они так хотели обнаружить живые особенности ионийского или дорийского происхождения, что порой находили их там, где их в действительности не было¹. Несмотря на определенные недостатки, именно благодаря этим исследованиям появились первые диалектные описания (см., напр., von Thiersch 1832; Deville 1866), а кроме того, и сами греки начали проявлять интерес к собственным диалектам (ср. Oikonomos 1846; 1870)². Под влиянием младограмматиков, которых в

---

¹ Эту ситуацию не без доли иронии описал знаменитый эллинист XIX в. Эвангелин Софоклис: «Now whenever a classical scholar goes to Greece to find Dorians and Ionians, it is ten to one but that he succeeds in finding Dorians and Ionians. He selects such words that are agreeable to his hypothesis, and takes no notice of those which contradict it. He lays much stress upon coincidences and disregards differences» (Sophocles 1860–1862: 299).

² Вполне объяснимая тенденция описывать в первую очередь именно свой родной диалект до сих пор широко распространена среди греческих диалектологов. При всех очевидных плюсах такого подхода (например, исследователь точно владеет материалом, с которым он работает), часто описывается некая идеальная модель, а не реальное состояние языка. Авторы XIX в. и даже первых десятилетий XX в. могли придумывать несуществующие формы, например, дательного падежа, чтобы подчеркнуть связь родного диалекта с древнегреческим языком (ср. Oikonomos 1870: 16, 17, 20; Lekos 1920: 28–32; см. также Kisilier 2021: 227 [fn. 40]). В последние же десятилетия греческие

Греции представляли Йоргос Хадзидакис и Михаил Деффнер, еще XIX в. стало понятно, что изучение диалектов не может исчерпываться описаниями, а необходимы их сопоставление и классификация.

Критериями для диалектной классификации могут служить очень разные параметры, например, **наличие особенностей древнегреческого происхождения**, не представленных в стандартном новогреческом. При этом легко убедиться, что классификации по лексическим, по фонетическим и по морфологическим особенностям (которых значительно меньше) не будут совпадать. Так, согласно наблюдениям Агапитоса Цопанакиса (Tsopanakis 1955), цаконский, маниотский, критский, диалект острова Карпатос, отдельные диалекты греческой Македонии и некоторые другие можно объединить в условно называемую группу «постдорийских» диалектов, поскольку они сохранили те или иные черты, характерные для древнегреческих дорийских диалектов³. Иная классификация может получиться, если проследить за «судьбой» древнегреческих глаголов с *-пт-* в презенсе. Диалектные данные убедительно демонстрируют, что можно выделить три группы диалектов. Во-первых, это диалекты, сохранившие *-пт-* в том или ином виде (см. пример 1a) — греческий диалект Дропулла (Южная Албания), кипрский, лесбосский, понтийский и диалект приазовских греков (далее румейский язык). Во-вторых, диалекты, в которых, как и в стандартном новогреческом, произошло изменение */pt/ > /v/* или */f/* — в частности, диалект Северного Хиоса и цаконский (1b). И, наконец, диалекты смешанного типа, в которых у одних глаголов *-пт-* сохраняется, а в других — исчезает, как в константинопольском (1c). Проиллюстрировать это можно на

диалектологи стремятся реконструировать язык своих бабушек и дедушек.

³ Например, некоторые диалекты сохранили дигамму в отдельных лексемах: цак. *váne* ‘ягненок’ (здесь и далее диалектные примеры записываются с помощью МФА), ср. дор. *Ἐαρήν* и н.-греч. *arví*, и *vrózos* ‘узел’ в диалекте Пиерии в Центральной Македонии < праи.-е. **wradjos* ‘корень’, ср. н.-греч. *ρόζος* (Tzitzilis 2013); в ряде диалектов встречается дорийский */a/*: цак. *máti* ‘мать’, ср. дор. *μάτηρ*, и карп. *sinomálikos* ‘ровесник’, ср. дор. *συνομήλιξ* ‘товарищ’ (Rylik 2012: 736) вм. ион. *συνομήλιξ* и н.-греч. *συνομήλικος*. Здесь и далее диалектные примеры, приводимые без ссылок, были подобраны авторами настоящей статьи.

примере двух древнегреческих глаголов — κόπτω ‘резать’ и σκάπτω ‘копать’⁴:

- (1) а. др.-греч. κόπτω, дроп. *kófto*, кипр. *kópfko*, лесб. *kónvvi*, понт. *kófto*, рум. *kóftu*
 др.-греч. σκάπτω, дроп. *zgáfto*, кипр. *skáfko*, лесб. *skávvi*,
 понт. *skáfto*, рум. *skáftu*
 б. н.-греч. κόβω, с.-хиот. *kóvo*, цак. *kófu*
 н.-греч. σκάβω, с.-хиот. *skávo*, цак. *skáfu*
 с. конст. *kóvo*, но *skávvo* или *skávvo* (Zacharidis 2014: 83, 681)

Интересно, что, если проводить классификацию по такому признаку, цаконский, традиционно считающийся наиболее архаичным диалектом новогреческого языка (Kisilier 2021: 227–229), оказывается ближе к стандартному новогреческому, чем диалект Дропулла или лесбосский.

Впрочем, очевидно, что классификация, строящаяся лишь одном параметре, обладает намного меньшей точностью и потенциалом, чем комплексный подход, строящийся сразу на нескольких параметрах. Продемонстрируем это, сравнив с точки зрения близости к древнегреческому 196 лексем из базового словаря (см. пример 2)⁵ из семи диалектов новогреческого языка — греческого диалекта Дропулла (Албания), кипрского, лесбосского, понтийского, румейского, северохиотского и цаконского:

- (2) 1. белый; 2. близко; 3. большой; 4. весь, всё; 5. ветер; 6. видеть; 7. вода; 8. волосы (мн. ч.); 9. вошь; 10. глаз; 11. говорить; 12. год; 13. голова; 14. гора; 15. грудь; 16. давать; 17. далеко; 18. два; 19. дерево; 20. длинный; 21. дождь; 22. дорога; 23. дым; 24. есть, кушать; 25. жёлтый; 26. женщина; 27. жечь; 28. живот; 29. жир; 30. звезда; 31. зелёный; 32. земля, почва; 33. змея; 34. знать; 35. зола; 36. зуб; 37. идти; 38. имя; 39. камень; 40. кожа; 41. колено; 42. кора; 43. корень; 44. короткий; 45. кость; 46. красный; 47. кровь; 48. круглый; 49. крыло; 50. кто; 51. ку-

⁴ Пользуясь случаем, авторы статьи благодарят друзей и коллег за содействие в сборе диалектного материала — Аристотеля Спиросидиса (греческий диалект Дропулла в Южной Албании), Андреаса Камериса (кипрский диалект), Ангелики Ралли (лесбосский диалект), Архондулу Константииду и В. В. Стофорандова (понтийский диалект), а также Никоса Маврелоса (диалект Северного Хиоса).

⁵ Выбор таких лексем был обусловлен двумя факторами: во-первых, эти слова должны быть по большей части представлены по всем диалектам, а во-вторых, они в меньшей степени заимствуются.

сать; 52. лежать; 53. летать; 54. лист; 55. луна; 56. маленький; 57. много; 58. мужчина; 59. мы; 60. мясо; 61. не; 62. новый; молодой; 63. нога; 64. ноготь; 65. нос; 66. ночь; 67. облако; 68. огонь; 69. один; 70. песок; 71. печень; 72. пить; 73. плавать; 74. полный; 75. приходить, идти; 76. птица; 77. рог; 78. рот; 79. рука; 80. рыба; 81. семя, росток; 82. сердце; 83. сидеть; 84. слышать; 85. собака; 86. солнце; 87. соль; 88. спать; 89. стоять; 90. сухой; 91. тёплый; 92. тонкий; 93. тот; 94. ты; 95. тяжёлый; 96. убивать; 97. умирать; 98. ухо; 99. хвост; 100. холодный; 101. хороший; 102. человек; 103. червь; 104. чёрный; 105. что; 106. шея; 107. этот; 108. я; 109. язык; 110. яйцо; 111. бежать; 112. бить; 113. бояться; 114. бранить, ругать; 115. вдыхать; 116. веревка; 117. внутренности (мн. ч.); 118. внутрь, внутри; 119. вращать, крутить; 120. вы; 121. где (вопросит.); 122. глотать; 123. гнилой, порченный; 124. грязный; 125. делить, разводить; 126. день; 127. держать; 128. другие; 129. думать; 130. дуть; 131. если; 132. жать, давить; 133. животное; 134. жить; 135. закалывать; 136. здесь; 137. и; 138. играть; 139. измерять; 140. изрыгать, отрывивать, страдать рвотой; 141. как; 142. кидать; 143. когда (вопросит.); 144. лед; 145. лес; 146. мать; 147. мести, подметать; 148. мокрый; 149. море; 150. надувать; 151. налево; 152. направо; 153. небо; 154. некоторые; 155. немногие; 156. нюхать, чують, обонять; 157. озеро; 158. острый; 159. отец; 160. охотиться; 161. падать; 162. палка; 163. петь; 164. плевать; 165. плохой; 166. почему, потому что; 167. правильный; 168. пыль; 169. пять; 170. ребенок; 171. резать, рубить; 172. река; 173. ровный, прямой; 174. рыть, копать; 175. с; 176. связывать; 177. смеяться; 178. снег; 179. стирать, мыть; 180. там; 181. тереть; 182. толкать; 183. толстый; 184. трава; 185. три; 186. туман; 187. тянуть, тащить; 188. узкий; 189. фрукт, плод; 190. цветок; 191. чесать, царапать; 192. четыре; 193. широкий; 194. шить.

При такого рода анализе учитываются два параметра: (а) количество диалектных лексем древнегреческого происхождения, независимо от фонетических изменений и возможного семантического сдвига (ср. цак. *níu* ‘слышать’ < др.-греч. νοῦω ‘понимать, воспринимать’); (б) количество диалектных лексем, которые по форме совпадают с древнегреческим, но либо не имеют аналогов в стандартном новогреческом, либо заметно отличаются от соответствующих новогреческих лексем в связи с произошедшими фонетическими, морфонологическими и проч. изменениями (например, цак. *kúe* ‘собака’ < др.-греч. κύων vs. н.-греч. σκύλος или кипр. *kufi* ‘змея’ (< др.-греч. ὄφις), которая претерпела значительно меньше изменений, чем н.-греч. φίδι).

Исходя из этих параметров можно определить, по крайней мере, три количественные характеристики для каждого из рассматриваемых диалектов: 1. количество базовых лексем древнегреческого происхождения (**др.-греч.** на рис. 1); 2. количество базовых лексем древнегреческого происхождения, не имеющих аналогов в стандартном новогреческом или оказывающихся по своей форме намного ближе к древнегреческому «оригиналу», чем к новогреческому аналогу (**др.-греч. ≠ н.-греч.** на рис. 1); 3. количество базовых лексем не древнегреческого происхождения, но имеющих аналоги в стандартном новогреческом (**н.-греч. ≠ др.-греч.** на рис. 1).

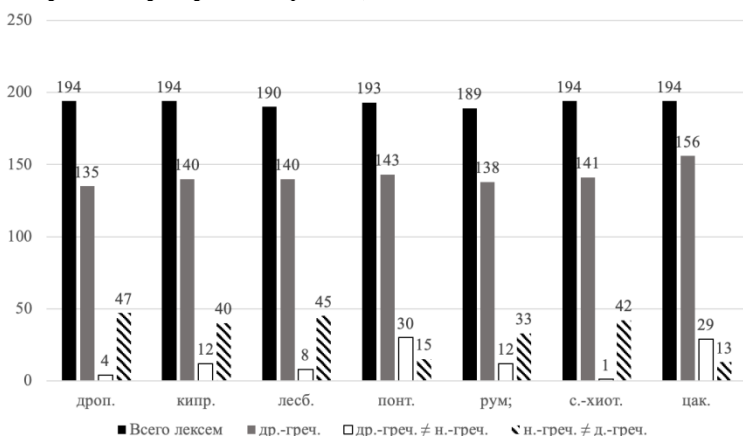

Рис. 1. Древнегреческие черты в новогреческих диалектах

Fig. 1. Ancient Greek features in Modern Greek dialects

Как и ожидалось, наибольшее количество лексем древнегреческого происхождения оказалось в цаконском, однако этот параметр далеко не самый показательный. Более интересными представляются два других. С точки зрения наличия древнегреческих лексем, не представленных в стандартном новогреческом или значительно отличающихся от своих новогреческих аналогов, далее всего от новогреческого оказываются понтийский, а за ним — цаконский, одинаково отстоят румейский и кипрский, а ближе всех к новогреческому находится диалект Северного Хиоса. Напротив, больше всего недревнегреческих лексем (совпадающих при этом со стандартным новогреческим) в диалекте Дропулла и лесбосском, а меньше всего — в цаконском и понтийском. Удивительно, что в румейском языке, относительно долгое время развивавшемся в Крыму, а потом в

Приазовье (подробнее см. Kisilier 2022a и приводимую там библиографию), достаточно много такого рода лексем. Возможно, это говорит о том, что мы до сих пор довольно плохо представляем себе интенсивность и разнообразие контактов в грекоязычном мире.

Так или иначе, эти данные довольно сложно интерпретировать, не углубляясь в область фантазий, поэтому классификации новогреческих диалектов по ареальному принципу всегда привлекали к себе большее внимание. Здесь мы не будем подробно разбирать принципы существующих классификаций — они достаточно хорошо описаны в научной литературе (см. Newton 1972; Trudgill 2003)⁶, — однако обратим внимание на ряд важных проблем. В новогреческой диалектологии известны изоглоссы разных типов:

- лексические — например, грекоязычный мир в целом делится на две части: в одной ‘что’ — *ti*, а в другой — *inda* или *ndo* (подробнее см. Contossopoulos 1983–1984; Nicholas 2004);

- морфологические — в частности, наличие инфинитива, который наблюдается только в некоторых субдиалектах понтийского (Mackridge 1996; Sitaridou 2014) и в греческих диалектах Южной Италии, в частности — в греканико (Rohlf 1977: 191);

- синтактико-просодические — например, с точки зрения позиции местоименных клитик относительного глагола можно выделить, по крайней мере, три типа диалектов (Condoravdi, Kiparsky 2002), хотя, скорее всего, их даже больше.

Тем не менее, практически все существующие на данный момент диалектные классификации ориентированы исключительно на фонетические изоглоссы.

Вторая проблема связана с тем, что балканские народы склонны к миграциям, и греки не являются исключением. Глобальный характер миграционных процессов за последние 100 лет даже вынудил некоторых исследователей строить диалектные классификации, не описывающие современное состояние, а реконструирующие некую гипотетическую картину, якобы существовавшую между 1820 и 1920 гг., то есть между Греческой революцией и Малоазийской катастрофой (Trudgill 2003: 48). Мы не станем обсуждать плюсы и минусы такого подхода, и выбираем иной путь, используя в исследо-

---

⁶ Критический обзор этих классификаций можно найти в (Kisilier 2013).

вании лишь данные, собранные непосредственно у информантов, и не углубляясь в диахронию.

Наконец, третья проблема заключается в ограниченном числе локальных вариантов новогреческого языка, включаемых в диалектные классификации. Так, не во все классификации попадают цаконский, румейский, понтийский, каппадокийский, грико, греканико и ряд других диалектов за пределами Греции⁷.

Естественно, что попытка решения любой из указанных проблем неизбежно приводит к серьезному пересмотру традиционных диалектных классификаций, и подобный пересмотр, очевидно, придется каждый раз проводить либо при учете новых параметров (изоглосс), либо при включении «новых» (прежде неучтенных) диалектов новогреческого языка. Не подвергая сомнению важность диалектных классификаций, в настоящей статье мы представим два примера применения методов диалектометрии к новогреческим диалектам. Несмотря на то, что благодаря использованию статистических подсчетов диалектометрия в целом понижает степень субъективности, неизбежной при создании любой диалектной классификации, она до недавнего времени не пользовалась популярностью среди диалектологов (ср. Prokić et al. 2012: 72), и неоэллинисты здесь не исключение. Как нам кажется, у этого есть две причины: незнание методологии диалектометрического анализа, требующей минимальной специальной подготовки, и недостаточное количество релевантных данных по новогреческим диалектам (корпусов или атласов).

В настоящей статье мы представим результаты двух исследований, в которых методы диалектометрического анализа применяются к данным из нескольких новогреческих диалектов. Хотя одной из задач диалектометрии является определение региональной дистрибуции тех или иных диалектных сходств на основании обобщенных данных (ср. Scherrer 2012: 63), мы ставим перед собой несколько иную цель — определить место диалекта относительно языкового стандарта⁸, рассчитав рассто-

---

⁷ По поводу большинства новогреческих диалектов на Балканах вне Греции приходится довольствоваться лишь общими рассуждениями или отдельными, пускай и весьма удачными, попытками анализа (ср. Spiro 2014).

⁸ Строго говоря, в новогреческом языке до сих пор нет единой языковой нормы, что обусловлено длительной историей языка и особенностями греческого языкового вопроса (подробнее см. Mackridge

яние между ними (подробнее см. Bloem et al. 2014: 155–158). В разделе 3 анализируются диалектные данные по именной группе, собранные для «Атласа балканских языков» (Adamou, Sobolev 2023), а в разделе 4 рассматривается 150 диалектных лексем из базового словаря. Материал для исследования соби-рался у информантов, носителей греческого диалекта Дропулла (Албания), кипрского, понтийского, диалекта приазовских греков и цаконского (см. также сн. 4). В разделе 4 также использованы специально собранные для настоящего проекта лексемы из лесбосского диалекта. Диалектометрическому анализу предшествует раздел 2, в котором приводятся сведения об использованных диалектах.

2. О диалектах, использованных в исследовании

Рассматриваемые в настоящей статье диалекты представляют разные диалектные группы: кипрский относится к юго-восточным диалектам, лесбосский — к северным (северногреческим), вероятно, продолжением северногреческой диалектной зоны является греческий диалект Дропулла (ср. Spiro 2014: 397), понтийский входит в группу греческих диалектов Малой Азии⁹, а диалект Северного Хиоса — в группу восточных диалектов. Открытым остается вопрос о том, в какие диалектные группы следует включать цаконский и диалект приазовских греков. Цаконский традиционно рассматривают как некий греческий языковой изолят (ср. Trudgill 2003: 59), в основном, из-за его исключительной древности¹⁰, а по поводу румейского идут споры, считать ли его понтийским, северногреческим (Kretschmer 1905: 18), или же одним из малоазийских диалектов

2009). Даже два наиболее знаменитых толковых словаря — Бабиниотиса и Триандафиллидиса, регулярно издающиеся в Афинах и в Салониках соответственно, — демонстрируют две разные нормы: более консервативную норму Афин и более демотическую норму Салоник (ср. Mackridge 2002). В разделе 3 мы ориентировались на норму Салоник, учитывая тот факт, что для рассматриваемых параметров различия между двумя нормами непринципиальны. В разделе 4 мы использовали некий усредненный (компромиссный) вариант.

⁹ Подчеркнем, что для исследований, описанных в разделах 3 и 4, материалы собирались у понтийцев Российской Федерации, проживающих в Эссентуках. Это отражено на картах на рис. 4 и 6.

¹⁰ Брайан Джозеф даже предлагает считать цаконский не новогреческим, а просто греческим (Hellenic) диалектом, развитие которого, по его мнению, началось до эллинистического койне (Joseph 2021: 66).

(Karatsareas 2014: 79; см. также Kisilier 2022a: 10–12). Так или иначе, нет сомнений, что, несмотря на все особенности, и у румейского, и у цаконского имеется достаточное количество общих черт с другими диалектами новогреческого языка (см. табл. 1, и подробнее Kisilier 2013; 2021: 244–246; 2022a: 10–12).

Табл. 1. Некоторые особенности новогреческих диалектов
Table 1. Some peculiarities of Modern Greek dialects

признак	рум.	цак.	пел.-ион.	с.-греч.	ст.-аф.	криг.	ю.-в.	кап.	понт.	ю.-ит.
/e/ > /i/, /o/ > /u/, /i/ > /o/, /u/ > /o/	+	-/+	-	+	-	-	-	+/-	+/-	+/-
геминаты	-	-	-	-	-	-	+	-	-	+
глайды	-	+	+	+	-	+	+	+	-	+/-
др.-греч. /e:/	-	+	-	-	-	-	-	-	+	-
выпадение /-v-/ , /-ð-/ , /-γ-/	-	-	-	-	-	-	+	?	-	-
/-п/	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-/+
/vγ/ > /vg/	-	-	-	-	-	-?	+	-?	-?	-?
эпентеза /γ/ у глаголов	-	-	-	-/+	-/+	+	+	+/-	+	-
палатализация	-	+/-	+/-	+	+	+	+	+	+	+
цитакизм	-?	+	-	-/+	+	+	+	-	+/-	+
‘что’ = <i>ti</i>	+	+	+	+	+	-	-	-	-	+
косвенное дополнение в АСС	+	+/-	-	+	-/+	-	-	+	+	-
местоим. клитика перед глаголом	-	+/-	+	+	+	+	-	+	-	+
X ^{max} клитики	+	-	-	-	-	-	+	+	-	-

Если ориентироваться на эти признаки, оказывается, что румейский ближе к северногреческим диалектам, чем к диалектам Малой Азии — каппадокийскому и понтийскому, а у цаконского больше всего общих черт с пелопоннеско-ионийским, то есть диалектом, во многом ставшим основой современной нормы (см. рис. 2).

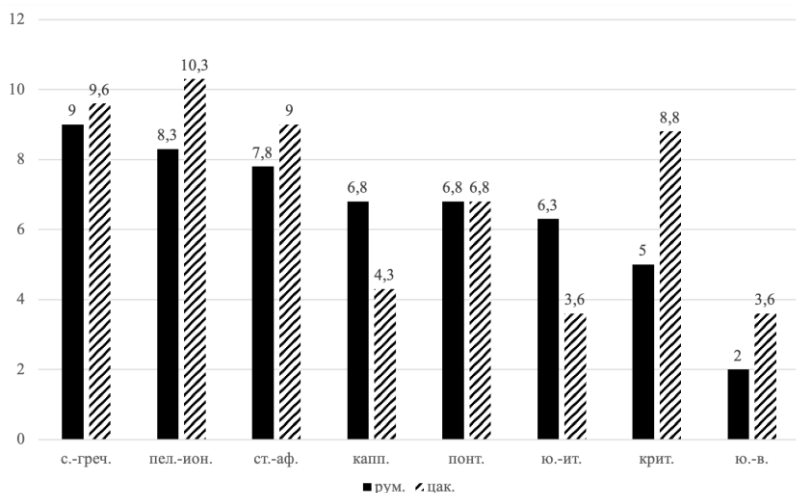

Рис. 2. Сходство румейского и цаконского с другими новогреческими диалектами¹¹.

Fig. 2. Similarity of Azov Greek and Tsakonian with other Modern Greek dialects.

При этом, удивительным образом оказывается, что у цаконского, несмотря на его особенность, постулируемую буквально всеми исследователями, в ряде случаев наблюдается больше сходств с другими новогреческими диалектами, чем у румейского с северногреческими диалектами, в целом близкими к стандартному новогреческому. Эти результаты можно трактовать по-разному: либо они свидетельствуют о том, что традиционные представления о цаконском как о некоем особенном (ни на что не похожем) диалекте неверны, либо следует признать, что дифференциальные признаки, используемые в большинстве современных диалектных классификаций, релевантны далеко не для всех диалектов.

Фактически все рассматриваемые в данной статье диалекты можно назвать островными или анклавными. Лесбосский, кипрский и диалект Северного Хиоса в прямом смысле являются островными, поскольку их носители живут на островах. Цакон-

¹¹ Подсчеты проводились по следующему принципу: полное совпадение признака (напр., + и + или – и – в табл. 1) оценивалось как 1; частичное совпадение, типа + и +/_ приравнилось к 0,5, а «обратное» частичное совпадение (напр., + и +/_) оценивалось как 0,3. Случаи типа +/_ и +/_ приравнились к 0.

ский, хотя и находится внутри Греции, настолько непонятен окружающим, демонстрируя, в первую очередь яркие фонетические особенности, что Цаконию вполне можно считать своего рода диалектным анклавом¹². Если обратиться к классификации анклавных диалектов, используемой в современной германистике, греческий диалект Дропулла следует считать анклавным диалектом, расположенным контактно к зоне распространения «основного» (в данном случае — новогреческого) языка, а румейский — дистантно (Wiesinger 2011: 491). Немного сложнее выглядит ситуация с понтийским, поскольку он распространен не только на территории Малой Азии (современной Турции), но и внутри Греции, на юге России и в Австралии¹³.

3. Именная группа в новогреческих диалектах: расстояние Хэмминга

Как уже отмечалось в предыдущих разделах, несмотря на то что хорошо известны морфологические и синтаксические дифференциальные признаки, наиболее знаменитые и общепризнанные классификации новогреческих диалектов (см. Newton 1972; Trudgill 2003) базируются исключительно на фонетике. Здесь мы не станем обсуждать возможные причины этого, но отметим, что известная статья Анжелы Ралли (Ralli 2006) убедительно продемонстрировала потенциал использования морфологических и морфосинтаксических признаков. В «Атласе балканских языков» (Adamou, Sobolev 2023) предполагается использовать самые разные параметры, среди которых по крайней мере 34 можно будет отнести к области морфологии и морфосинтаксиса. На данный момент греческий диалектный материал собран с учетом 14 параметров, связанных с именной группой. Именно на его основе и было проведено исследование, представленное в настоящем разделе.

Некоторые параметры, например, число определенных артиклей оказываются дифференциальными признаками, отличающими все обследованные новогреческие диалекты (один ар-

---

¹² Показательно, что, даже находясь внутри Греции, цаконский демонстрирует важнейшую особенность языкового анклава — оказывается своего рода «экспериментальной лингвистической лабораторией», предоставляя интереснейший материал по истории языка и языковых контактов (ср. Schirmunski 1976: 492).

¹³ Отметим, что различия между разными вариантами понтийского пока не вполне очевидны (ср. Kisilier 2022b: 77).

тикль) от ряда других балканских языков, в частности, от македонского (три артикля) и хорватского (артикль отсутствует). Ниже мы приведем лишь наиболее яркие из тех параметров, которые демонстрируют вариативность у разных диалектов новогреческого языка или отличают их от стандартного новогреческого.

3.1. Опускание определенного артикля

Для большинства диалектов в целом нехарактерно опускание определенного артикля после предлога, однако это явление сравнительно широко представлено в румейском языке (3а), ср., например, с кипрским (3б)¹⁴:

- (3) а. *pis kilsíj-a*
 в церковь-SG
 ‘в церкви’ (рум.)
- б. *pá-o s-to spítú-i-n=mu*
 идти.IPFV-PRS.1SG в-DEF.N.SG.NGEN домик-SG.NGEN=POSS.1SG
 ‘иду в свой домик’ (кипр.)

3.2. Количество указательных местоимений

Большую вариативность можно обнаружить при рассмотрении указательных местоимений. Если в стандартном новогреческом их три (τοῦτος ‘этот’ (рядом) vs. αὐτός ‘этот’ vs. ἐκεῖνος ‘тот’), то по диалектам картина намного более пестрая — в некоторых, как и в стандартном новогреческом, по три указательных местоимения (4а), в других — два (4б), а в диалекте Северного Хиоса, возможно, даже более четырех (4с, см. также табл. 2):

- (4) а. дроп. [*e*]tútos ‘этот’ vs. eftós/aftós ‘тот (близко)’ vs. [*e*]kínos ‘тот (далеко)’
- б. кипр. *tútos* ‘этот’ vs. *tínos* ‘тот’
- с. с.-хиот. *eftós* ‘этот’ vs. *eðeftós* ‘именно этот’ (эмфатическая форма) vs. *etútos* ‘этот’ vs. *etútonas* ‘именно этот’ (эмфатическая форма) vs. *ekínos* ‘тот’ vs. *ekínonas* ‘именно тот’ (эмфатическая форма)

Семантические различия между многими формами в диалекте Северного Хиоса (4с) пока не очень понятны, поэтому трудно определить, сколько указательных местоимений в этом диалекте на самом деле.

¹⁴ Здесь и далее фразовые примеры глоссированы в соответствии с Лейпцигскими правилами глоссирования (Comrie et al. 2015; см. также CorpAfroAs_Team 2017).

Табл. 2. Указательные местоимения в новогреческих диалектах
Table 2. Demonstrative pronouns in Modern Greek dialects

Диалект	Кол-во местоимений
дроп.	3
кипр.	2
понт.	3
рум.	2
с.-хиот.	6?
цак.	2

3.3. Амбигенные существительные

Не менее интересный параметр связан с амбигенными существительными, демонстрирующими разный род в единственном и множественном числах. Это явление встречается в стандартном новогреческом:

- (5) ο αδέρφ-ός vs. τα αδέρφ-ια
 DEF.M.SG.NOM брат-SG.NOM DEF.N.PL.NGEN брат-PL.NGEN
 ‘брат vs. братья’.

Его удалось обнаружить и в некоторых диалектах, в частности на Северном Хиосе (6a), однако далеко не во всех, ср. законский (6b, см. также табл. 3).

- (6) a. ο badzanák-is vs. τα badzanákⁱ-a
 DEF.M.SG.NOM шурина-SG.NOM DEF.N.PL.NGEN шурина-PL.NGEN
 ‘шурина vs. шурины’.
- b. ο ajθ-é vs. η ajθ-i
 DEF.M.SG.NOM брат-SG DEF.NN.PL.NOM брат-PL
 ‘брат vs. братья’.

Табл. 3. Амбигенные существительные в новогреческих диалектах
Table 3. Ambiguous nouns in Modern Greek dialects

Диалект	Наличие
дроп.	+
кипр.	–
понт.	+
рум.	–
с.-хиот.	+
цак.	–

Нельзя исключать, что в некоторых случаях, например, на Северном Хиосе и в греческом диалекте Дропулла появление амбигенных существительных обусловлено влиянием стандартного новогреческого.

3.4. Степени сравнения

Как известно, в стандартном новогреческом есть два способа образования степеней сравнения прилагательных — синтетический при помощи аффикса (7а) и аналитический (7б):

- (7) а. φυσικ-ότερ-ος
естественный-СМРР-М.СГ.НОМ
‘более естественный’ (Mackridge 1985: 143)
б. πιο καλ-ός
более хороший-М.СГ.НОМ
‘лучший {чем}’ (Mackridge 1985: 143)

В большинстве диалектов, как и в стандартном новогреческом возможны обе модели, ср. в греческом диалекте Дропулла:

- (8) а. *kal-íter-os*
хороший-СМРР-М.СГ.НОМ
б. *p^o kal-ós*
более хороший-М.СГ.НОМ
‘лучший [чем]’

Превосходная степень достигается добавлением определенного артикля в соответствующем роде, числе и падеже к любой из двух моделей, указанных в (8).

В понтийском наблюдается иная ситуация. Там обнаруживается лишь ряд перифрастических конструкций (вероятно, не до конца грамматикализованных) для сравнительной (9а) и превосходной (9б) степеней:

- (9) а. *ki álo émorf-os*
и иное красивый-М.СГ.НОМ
‘более красивый’
б. *as ol-ts émorf-os*
от весь-НН.ПЛ.НГЕН красивый-М.СГ.НОМ
‘самый красивый’

Как видно из (9б), образование превосходной степени в понтийском также происходит по другой модели.

Диалект приазовских греков демонстрирует «компромиссный» вариант между понтийским и другими диалектами. С одной стороны, формы сравнительной степени в нем могут образовываться и с помощью аффикса (10а), а с другой стороны, перифрастически (10б) по «понтийской» модели (ср. 9а):

- (10) a. *kal-ítur-ø*
хороший-CMPR-NF.SG
b. *tf álu kal-ós*
и иное хороший-M.SG.NOM
'лучший [чем]'

Кроме того, превосходная степень в диалекте приазовских греков образуется без определенного артикля и по иной модели, нежели сравнительная степень:

- (11) *aláx kal-ós*
очень хороший-M.SG.NOM
'самый лучший'

3.5. Способы выражения посессивности

В стандартном новогреческом языке (12a) и в ряде обследованных диалектов, например, на Северном Хиосе (12b), посессивность выражается с помощью родительного падежа (о формах и функциях генитива по новогреческим диалектам см. Mertyris 2014):

- (12) a. *to* *σπίτι-ø* *του*
DEF.N.SG.NGEN дом-SG.NGEN DEF.NF.SG.GEN
φίλ-ου
друг-SG.GEN =POSS.3.NF.SG
'дом его друга'
b. *to* *spíti- ø* *tu*
DEF.N.SG.NGEN дом-SG.NGEN DEF.NF.SG.GEN
peðakí-ú
ребенок-SG.GEN
'дом ребенка'

В двух диалектах — в румейском и в цаконском — удалось найти и другие способы. Дело в том, что этих диалектах (в румейском в большей степени, в цаконском — в меньшей) родительный падеж фактически исчезает (подробнее см. Mertyris, Kisilier 2017; Kisilier, Mertyris 2018). В румейском собственно формы родительного падежа сохранились только у некоторых существительных в атрибутивной форме (13a). В остальных случаях посессивность выражается либо конструкцией с предлогом (13b), либо с помощью примыкания (13c), причем посессор можно определить по позиции: в конструкциях с предлогом посессор (практически?) всегда находится после существительного, к которому относится (13b), а при примыкании — перед (13c).

- (13) a. *kléfti-a*   *spit-ø*
вор-SG.GEN   дом-SG
'дом **вора**' (Viktorova 2009: 205)
- b. *trof-ø*   *s-u*   *tractor-ø*
колесо-SG   в-DEF.SG   трактор-SG
'колесо **трактора**' (Viktorova 2009: 205)
- c. *tát-a=m*   *tu*   *trayóð-ø*
отец-SG=POSS.1SG   DEF.SG   песня-SG
'песня **моего отца**' (Viktorova 2009: 205)

В цаконском диалекте посессивные формы с родительным падежом встречаются у намного большего числа существительных (14a). Однако более продуктивными моделями в цаконском оказываются предложно-падежная конструкция (14b–c)¹⁵ и оформление посессора с помощью винительного/косвенного падежа (14d).

- (14) a. *tu*   *ku-né*   *o*   *pú-a*
DEF.NF.SG.GEN   собака-SG.GEN   DEF.M.SG.NOM   нога-SG
'лапа **собаки**'.
- b. *i*   *psil-i*   *s éndani*   *ta*
DEF.NN.PL.NOM   глаз-PL   в ЭТОТ.FSG   DEF.F.SG.OBL
yunék-a
женщина-SG.NGEN
'глаза **этой женщины**'.
- c. *i*   *pú-e*   *apó*   *ta*   *kabzí-a*
DEF.NN.PL.NOM   нога-PL   от   DEF.N.PL   мальчик-PL
'ноги **детей**'.
- d. *i*   *pú-e*   *ta*   *kóth-a*
DEF.NN.PL.NOM   нога-PL   DEF.F.SG.OBL   курица-SG
'ноги **курицы**'.

3.6. Притяжательные местоимения

Притяжательные местоимения и в стандартном новогреческом (15a), и в большинстве диалектов, например, в кипрском (15b), восходят к местоименной клитике в родительном падеже:¹⁶

¹⁵ В отличие от румейского, в цаконском используется не только предлог 'в' (14b), но и 'от' (14c).

¹⁶ В румейском и понтийском в единственном числе у местоимений отпал конечный гласный, и /mu/, /su/, /tu/ превратились соответственно в /m/, /s/, /t/; ср. (16a).

- (15) a. ο φίλ-ος μου
DEF.M.SG.NOM друг-SG.NOM =POSS.1SG (1SG.GEN)
'мой друг'
- b. το spit-in=mu
DEF.N.SG.NGEN дом-SG.NGEN=POSS.1SG (1SG.GEN)
'мой дом'

В понтийском, наравне с этой моделью (16a), сохранилось и древнегреческое притяжательное местоимение в среднем роде независимо от рода существительного, к которому оно относится (16b):

- (16) a. ι γαρ-ί=m
DEF.F.SG.NOM жена-SG.NOM=POSS.1SG (1SG.GEN)
- b. τ em-όν ι γαρ-ί
DEF.N.SG.NGEN POSS.1SG-SG DEF.F.SG.NOM жена-SG.NOM
'моя жена'.

3.7. Дублирование артикля при прилагательном

В большинстве рассмотренных диалектов регулярно наблюдается дублирование артикля, если в именную группу входит прилагательное. При этом не имеет значения, стоит ли прилагательное перед определяемым существительным (17a) или после него (17b), ср. с цаконским:

- (17) a. το kal-έ το kabzi-ø
DEF.N.SG.NGEN хороший-NF.SG DEF.N.SG.NGEN мальчик-SG.NGEN
- b. το kabzi-ø το kal-έ
DEF.N.SG.NGEN мальчик-SG.NGEN DEF.N.SG.NGEN хороший-NF.SG
'хороший мальчик'

Нельзя исключать, что обе модели могут быть результатом влияния со стороны стандартного новогреческого:

- (18) a. το μεγάλο-ο το σπίτι-ø
DEF.N.SG.NGEN большой-N.SG.NGEN DEF.N.SG.NGEN дом-SG.NGEN
- b. το σπίτι-ø το μεγάλο-ο
DEF.N.SG.NGEN дом-SG.NGEN DEF.N.SG.NGEN большой-N.SG.NGEN
'большой дом'.

В диалекте приазовских греков дублирование артикля вообще не встречается.

3.8. Расстояние Хэмминга и анализ собранных данных

Итак, одна из задач диалектометрического исследования — это подсчет расстояний между разными языковыми вариантами с использованием разнообразных методов математического и статистического анализа (о разных методах см., напр., Nerbonne

2008; 2011; Prokić et al. 2012; Scherrer 2012; Wolk, Szmrecsanyi 2014; Goebel 2018; Gooskens 2018; Heeringa, Prokić 2018). К нашим данным после некоторых поисков мы решили применить т. н. **расстояние Хэмминга**, впервые сформулированное в (Hamming 1950) как способ поиска и исправления ошибок в равных по длине передаваемых кодах и уже несколько десятилетий используемое в современной диалектологии (ср. Kessler 1995). Расстояние Хэмминга позволяет подсчитать в метрическом пространстве различия между объектами одинаковой размерности. В нашем случае такими объектами оказываются обследуемые параметры в каждом диалекте. При этом подсчитываются различия не между двумя языковыми вариантами, а сразу между всеми. Расчеты проводятся по следующей формуле:

$$d_{ij} = \sum_{k=1}^p |x_{ik} - x_{jk}|$$

где d_{ij} — это расстояние Хэмминга между x_i и x_j размерности p . Сегодня расчеты по этой формуле проводятся не вручную, а при помощи специальных «калькуляторов». Для интересующих нас параметров мы использовали R Core Team (2022), функцию `hammingD` библиотеки `EnsCat` (о возможностях этой библиотеки см. Amiri et al. 2018). Важно отметить, что нас интересовали не столько числовые эквиваленты различий, сколько их соотношения друг с другом. Полученные нами результаты можно представить в виде дендрограммы (рис. 3).

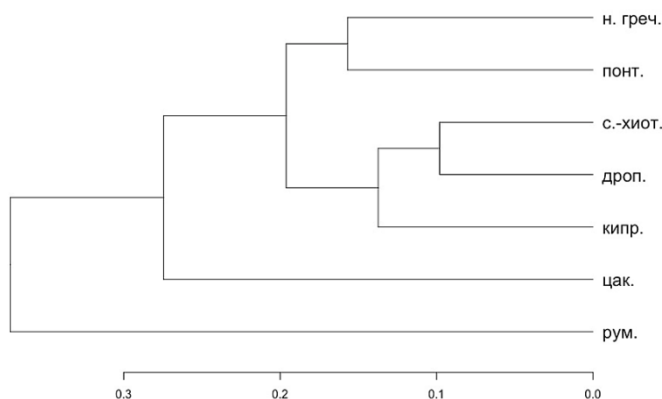

Рис. 3. Расстояние Хэмминга и именная группа
Fig. 3. Hamming distance and Noun Phrase

Из дендрограммы на рис. 3 хорошо видно, что с точки зрения особенностей именной группы ближе всего к стандартному новогреческому оказываются диалекты Дропулла и Северного Хиоса, далее кипрский и чуть дальше понтийский, а замыкают цаконский с румейским. Очевидно, что чем ближе диалект к метрополии, тем меньше особенностей в именной морфологии он демонстрирует (см. карту на рис. 4).

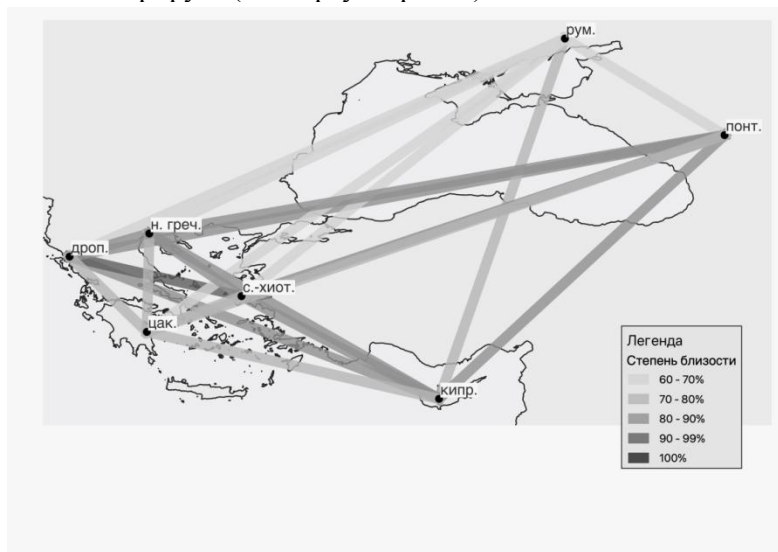

Рис. 4. Степень близости. Именная группа
Fig. 4. Degree of proximity. Noun Phrase

Единственным исключением здесь оказывается цаконский. В причинах этого еще предстоит разобраться, если, конечно, не удовлетворяться распространенными утверждениями об исключительной древности диалекта и крайней замкнутости сообщества, согласно сторонникам этой точки зрения, видимо, усиленно избегавшего контактов извне. Впрочем, подобное распределение в целом ожидаемо. Более неожиданными выглядят другие факты:

1. румейский значительно дальше от стандартного новогреческого, чем цаконский, хотя до исследования казалось, что будет ровно наоборот;

2. диалект Северного Хиоса, относящийся к восточным диалектам, ближе всего оказывается к диалекту Дропулла, примыкающему к северногреческой диалектной зоне, и их взаимная

близость больше, чем близость каждого из них к стандартному новогреческому, к которому, как уже упоминалось, они ближе, нежели прочие обследованные диалекты);

3. понтийский диалект намного ближе к стандартному новогреческому, чем к румейскому, и это оказывается еще одним доводом в пользу того, что диалект приазовских греков не стоит считать ни понтийским, ни северногреческим.

Важно отметить, что особенности цаконского и румейского в области именной группы намного менее значительны, чем фонетические, и они не являются «древнегреческим наследием» (см. раздел 2), а представляют собой эволюцию новогреческой именной системы.

4. Базовый словарь: расстояние Левенштейна

Одним из наиболее простых для реализации методов диалектометрического анализа являются подсчеты т. н. расстояния Левенштейна. Этот метод нацелен на определение разницы двух строк символов и позволяет выяснить минимальное количество операций, необходимых для того, чтобы символы одной строки стали тождественны символам другой строки (оригинальную постановку проблемы и ее решение см. Levenshtein 1965)¹⁷. Формулу расстояния Левенштейна можно представить в следующем виде:

$$d(S_1, S_2) = D(M, N)$$

где d — расстояние Левенштейна, S_1 и S_2 — это номера сравниваемых строк, M и N — длина сравниваемых строк, D — различие между длинами сравниваемых строк. Материалом для подсчетов послужили 194 лексемы из базового словаря (см. пример 2 и сн. 5) из стандартного новогреческого, греческого диалекта Дропулла (Албания), кипрского, лесбосского, понтийского, румейского, северохиотского и цаконского¹⁸. Анализ этих лексем позволяет выявить фонетические, морфонологические и словообразовательные различия между диалектами, поскольку, по сути, сопоставляются одни и те же лексемы. У избранного нами подхода, как у любого метода, есть свои недостатки. Наиболее существенный из них заключается в том,

¹⁷ До некоторой степени это напоминает знаменитую детскую игру, в которой из слова *муха* надо получить слово *слон*.

¹⁸ На данном этапе диалектные данные сопоставлялись не между собой, а исключительно со стандартным новогреческим.

что сопоставлялись только словарные формы избранных лексем, а не вся парадигма в целом, поскольку подготовка и подсчеты (о них см. ниже) проводились вручную. Естественно, известны примеры, когда лексемы в разных языковых вариантах могут совпадать в словарной форме, но различаться в какой-либо другой (19a) и наоборот (19b).

- (19) а. NOM.SG н.-греч. *ἀνδρας* /ándras/ ‘мужчина’ с.-хиот. *ándras*
 GEN.SG *ἀνδρα* /ándra/ *ándrus*
 б. NOM.SG н.-греч. *αἴρας* /aéras/ ‘ветер’ цак. *aéra*
 ACC.SG *αἴρα* /aéra/ *aéra*

Чтобы определить, насколько велика вероятная погрешность при подсчетах, мы сравнили три результата: (а) результат, полученный при анализе 50 лексем, (б) результат, полученный при анализе 100 лексем, и (с) результат, полученный при анализе 150 лексем. Забегая вперед, отметим, что все три результата в целом оказались сопоставимы друг с другом (см. рис. 5).

Существуют разные способы подсчета расстояния Левенштейна (см., напр., Neeringa 2004: 121–143). В нашем исследовании мы проводили подсчеты вручную, следуя шести правилам:

1. сопоставляются лишь аналогичные друг другу лексемы;
2. общее число символов считается по самому длинному слову;
3. каждый звук (аллофон) считается как 1 символ;
4. ударение считается как 1 символ;
5. замена, исчезновение или добавление символа считается как 1 трансформация;
6. сдвиг ударения считается как 1 трансформация.

Например, при сопоставлении н.-греч. *κεφάλι* /kefáli/ ‘голова’ и понт. *kifál* общее число символов (N_{max}) оказывается равным 7, а число трансформаций (N_{trans}) равно 2 (/e/ > /i/ и исчезновение /-i/). Расчет степени близости лексем x и y (Sim) проводился по формуле:

$$Sim(x, y) = 100 - \frac{100}{N_{max}(x, y)} \times N_{trans}(x, y)$$

Далее подсчитывается среднее арифметическое для 50, 100 и 150 лексем для каждого из диалектов.

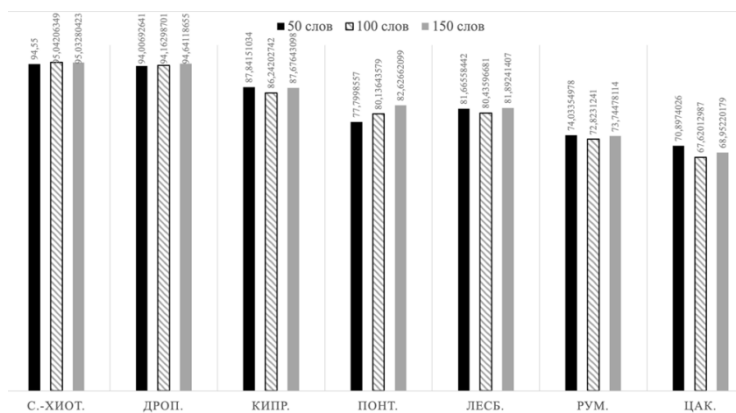

Рис. 5. Расстояние Левенштейна и базовый словарь
Fig. 5. Levenshtein distance and basic vocabulary

На рис. 5 хорошо видно, что ближе всего к стандартному новогреческому расположены диалекты Северного Хиоса и Дропулла, а дальше всего — румейский и цаконский. Если посмотреть на карту (рис. 6), можно убедиться, что степень близости диалекта к стандартному новогреческому не коррелирует напрямую с близостью его ареала к митрополии.

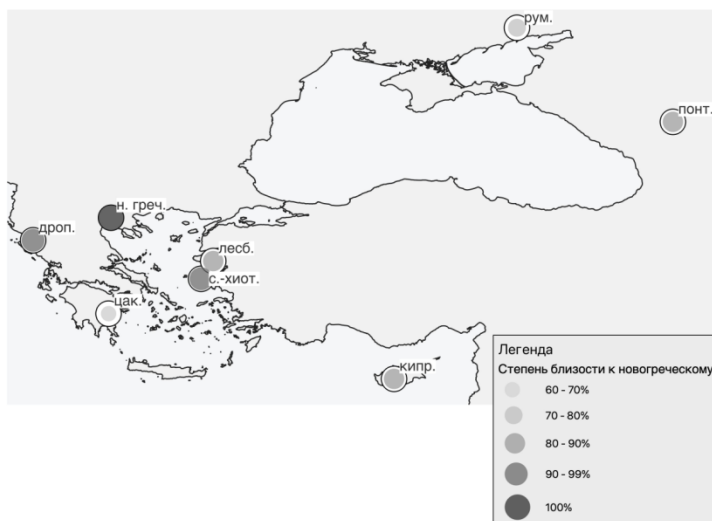

Рис. 6. Степень близости к стандартному новогреческому
Fig. 6. Degree of proximity to Standard Modern Greek

Результаты подсчета расстояния Левенштейна по базовому словарю оказываются сопоставимыми с результатами подсчета расстояния Хэммина для именной группы (ср. рис. 3 и 5): ближе всех к стандартному новогреческому располагаются диалекты Дропулла и Северного Хиоса (фактически на одинаковом расстоянии), дальше следуют кипрский и понтийский (первый немного ближе, чем второй), и единственное различие¹⁹ заключается в том, что при подсчете расстояния Хэмминга для именной группы дальше всех от стандартного новогреческого оказывается румейский, а при подсчете расстояния Левенштейна для базового словаря — цаконский. Это различие легко объяснимо: фонетические особенности цаконского выражены намного более ярко, чем его морфологические особенности.

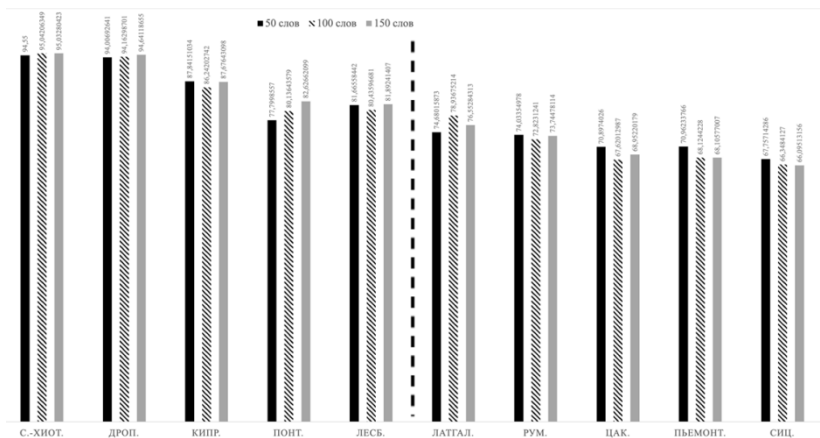

Рис. 7. Степень близости к стандартному языку
Fig. 7. Degree of proximity to the standard language

Подсчитывая расстояние Левенштейна по базовому словарю, мы решили поставить еще один эксперимент — сравнить расстояния между стандартным новогреческим и его диалектами, с одной стороны, и расстояния между литературным итальянским и сицилийским, литературным итальянским и пьемонтским, а также литературным латышским и латгальским, с другой стороны, используя те же лексемы из базового сло-

¹⁹ Отметим, правда, что расстояние Хэмминга для именной группы рассчитывалось без учета данных лесбосского диалекта.

варя, что и при подсчете расстояния Левенштейна у новогреческих диалектов (рис. 7)²⁰.

Сицилийский, пьемонтский и латгальский традиционно описываются не как диалекты соответствующих языков, а как самостоятельные языки. Для диалектов новогреческого языка вопрос об их статусе (язык или диалект?) фактически не стоит, хотя периодически разные исследователи предлагают считать тот или иной диалект — чаще всего понтийский или цаконский — отдельным языком (ср. Dawkins 1931: 389). В рамках настоящей статьи нет возможности сколько-нибудь углубиться в эту интереснейшую тематику, предполагающую комплексный многосторонний подход (подробнее см. Коруаков 2017), однако интересно, что на рис. 7 цаконский и румейский оказываются среди тех языковых вариантов, которые принято называть отдельными языками, а понтийский — среди диалектов (условную границу между ними показывает пунктирная линия).

5. Заключение

Анализ, представленный в настоящей статье, является лишь первой попыткой применения методов диалектометрического исследования к новогреческим диалектам. Использование этих методов может стать крайне важным шагом для развития новогреческой диалектологии. Они позволят выйти за пределы традиционных и не очень хорошо отражающих действительность диалектных классификаций и обнаружить новые дифференциальные признаки, на которые по разным причинам прежде могли не обращать внимание. Понятно, что для более релевантных выводов надо расширять и перечень привлекаемых диалектов, и список обсуждаемых параметров. Последнее уже активно делается в рамках разработки «Атласа балканских языков» (Adamou, Sobolev 2023), где, помимо именной группы, будут исследоваться глагольная группа, синтаксические и лексические особенности. Принципиальное отличие диалектометрического исследования от традиционных диалектных классификаций заключается в том, что оно позволяет не просто сравнивать диалекты по разным языковым уровням (фонетика, лексика, морфология и синтаксис) и в итоге получать плохо соотносимые друг с другом диалектные классификации, а

---

²⁰ Пользуясь случаем, мы хотим поблагодарить за помощь в сборе материалов Беатриче Миано (сицилийский), Клаудио Марчелло Таулли (пьемонтский язык) и Денса Диминша (латгальский язык).

провести комплексное сопоставление, учитывающие все особенности, релевантные для избранного момента времени.

Сокращения и условные обозначения

= — показатель клитики; 1 — 1 л. у глаголов и местоимений; 3 — 3 л. у глаголов и местоимений; дор. — дорийские диалекты; др.-греч. — древнегреческий язык; дроп. — греческий диалект Дропулла (Албания); ион. — ионийский диалект; капп. — каппадокийский диалект; карп. — диалект о-ва Карпатос; кипр. — кипрский диалект; конст. — константинопольский диалект; крит. — критский диалект; латгал. — латгальский язык; лесб. — лесбосский диалект; н.-греч. — стандартный новогреческий язык; пел.-ион. — пелопоннеско-ионийский диалект; праи.-е. — праиндоевропейский язык; понт. — понтийский диалект; пьемонт. — пьемонтский язык; рум. — румейский язык (диалект приазовских греков; с.-греч. — северногреческие диалекты; с.-хиот. — диалект Северного Хиоса; сиц. — сицилийский язык; ст.-аф. — староафинский диалект; цак. — цаконский диалект; ю.-в. — юго-восточные диалекты; ю.-ит. — греческие диалекты Южной Италии; ACC — винительный падеж; CMPR — показатель сравнительной степени; DEF — показатель определенности (определенный артикль); GEN — родительный падеж; IPFV — имперфектив; M — мужской род; N — средний род; NF — неженский род; NGEN — неродительный падеж; NN — несредний род; NOM — именительный падеж; OBL — косвенный падеж; PL — множественное число; POSS — показатель possessивности (притяжательное местоимение); PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Adamou, E., Sobolev, A. N. 2023: Atlas of the Balkan linguistic area online (ABLA). <<https://abla.cnrs.fr/dataset/serbian-tuchep/>, Date accessed 26.04.2023>.
- Amiri, S., Clarke, B. S., Clarke, J. L. 2018: Clustering categorical data via ensembling dissimilarity matrices. *Journal of computational and graphical statistics* 27. 1, 195–208.
- Bloem, J., Wieling, M., Nerbonne, J. 2016: Automatically identifying characteristic features of non-native English accents. In: Côté, M.-H., Knooihuizen, R., Nerbonne, J. (eds.). *The future of dialects: selected papers from Methods in Dialectology XV*. Berlin: Language Science Press, 155–172.
- Comrie, B., Haspelmath, M., Bickel, B. 2015: *The Leipzig glossing rules: conventions for interlinear morpheme-by-morpheme glosses*. <<http://www.eva.mpg.de/lingua/resources/glossing-rules.php>, Date accessed 15.02.2023>.

- Condoravdi, C., Kiparsky, P. 2002: Clitics and clause structure. *Journal of Greek Linguistics* 2, 1–39.
- Contossopoulos, N. G. 1983–1984: [La Grèce du ti et la Grèce du inda]. *Glossologia [Linguistics]* 2–3, 149–162.
- Contossopoulos, N. G. 1983–1984: La Grèce du τi et la Grèce du είντα. *Γλωσσολογία* 2–3, 149–162.
- CorpAfroAs_Team. 2017: The CorpAfroAs and CorTypo list of glosses. <<https://bit.ly/Glosses-CorpAfroAs>, Date accessed 16.02.20>.
- Dawkins, R. M. 1931: Notes on the study of the Modern Greek of Pontos. *Byzantion* 6. 1, 389–400.
- Deville, G. 1866: *Étude du dialecte Tzacorien. Thèse pour le doctorat présentée à la Faculté des lettres de Paris*. Paris: Imprimerie de A. Lainé et J. Havard.
- Goebel, H. 2018: Dialectometry (Ch. 7). In: Baberg, C., Nerbonne, J., Watt, D. (eds.). *The handbook of dialectology*. Oxford: Wiley Blackwell, 123–142.
- Gooskens, C. 2018: Dialect intelligibility (Ch. 11). In: Baberg, C., Nerbonne, J., Watt, D. (eds.). *The handbook of dialectology*. Oxford: Wiley Blackwell, 204–218.
- Hamming, R. W. 1950: Error detecting and error correcting codes. *The Bell system technical journal*. 29. 2, 147–160.
- Heeringa, W. J. 2004: *Measuring dialect pronunciation differences using Levenshtein distance*. Proefschrift ter verkrijging van het doctoraat in de Letteren. Rijksuniversiteit Groningen. Groningen.
- Heeringa, W. J., Prokić, J. 2018: Computational dialectology (Ch. 19). In: Baberg, C., Nerbonne, J., Watt, D. (eds.). *The handbook of dialectology*. Oxford: Wiley Blackwell, 324–347.
- Joseph, B. D. 2022: What is meant by “Modern Greek dialect”? Some thoughts on terminology and glossonymy, with a glance at Tsakonian. In: Kisilier, M. (ed.). *MGDLT9. Proceedings of the 9th international conference on Modern Greek dialects and linguistic theory. Leonidio, 4–6 June 2021*. Leonidio: Tsakonian Archives, 55–71. (Ralli, A., Joseph, B. D., Janse, M. (eds.). *Modern Greek dialects and linguistic theory (MGDLT)*).
- Karatsareas, P. 2014: On the diachrony of gender in Asia Minor Greek: the development of semantic agreement in Pontic. *Language Sciences* 43, 77–101.
- Kessler, B. 1995: Computational dialectology in Irish Gaelic. In: Abney, S. P., Hinrichs, E. W. (eds.). *Proceedings of the seventh conference on European Chapter of the Association for computational linguistics (EACL '95)*. San Francisco: Morgan Kaufmann Publishers Inc., 60–66.
- Kisilier, M. L. 2013: [Studies in Modern Greek dialects: achievements and problems]. *Voprosy Jazykoznanija* 2, 83–98.
- Кисилиер, М. Л. 2013: Новогреческая диалектология: достижения и проблемы. *Вопросы языкознания* 2, 83–98.

- Kisilier M. L. 2021: Reconstructing past coexistence: Problems and mysteries in the multilingual history of Tsakonia, Greece. In: Sobolev, A. N. (ed.). *Between separation and symbiosis. South Eastern European languages and cultures in contact*. Boston; Berlin: De Gruyter Mouton, 215–263. (Matras, Y. (ed.). *Language contact and bilingualism [LCB]*. Vol. 20).
- Kisilier, M. 2022a: *Contact phenomena in Azov Greek. Languages* 7. 3. DOI: <https://doi.org/10.3390/languages7030174>.
- Kisilier, M. 2022b: Pontic project: theoretical problems and modern technologies. In: Kisilier, M. (ed.). *MGDLT9. Proceedings of the 9th international conference on Modern Greek dialects and linguistic theory. Leonidio, 4–6 June 2021*. Leonidio: Tsakonian Archives, 73–84. (Ralli, A., Joseph, B. D., Janse, M. (eds.). *Modern Greek dialects and linguistic theory (MGDLT)*).
- Kisilier, M., Mertyris, D. 2018: [About the genitive in Tsakonian]. *Tsakonian Chronicles* 23. 2/2, 219–242.
- Kisilier, M., Μερτύρης, Δ. 2018: Περί της γενικής στα Τσακόνικα ουσιαστικά. *Χρονικά των Τσακόνων ΚΓ'*. 2/2, 219–242.
- Koryakov, Yu. B. 2017: [Language vs. dialect: lexicostatistic approach]. *Voprosy Jazykoznanija* 6, 79–101.
- Коряков, Ю. Б. 2017: Проблема «язык или диалект» и попытка лексикостатистического подхода. *Вопросы языкознания* 6, 79–101.
- Kretschmer, P. 1905: *Der heutige lesbische Dialect verglichen mit den übrigen nordgriechischen Mundarten*. Wien: Alfred Holder.
- Lekos, M. A. 1920: *Peri Tsakōnōn kai tēs Tsakōnikēs dialektou [On Tsakonians and the Tsakonian dialect]*. Athens: Papapoulou.
- Λεκός, Μ. Α. 1920: *Περί Τσακόνων και τῆς Τσακωνικῆς διαλέκτου*. Ἀθήναι: Τύποις Παπαπαύλου. (Βιβλιοθήκη ἱστορικῶν μελετῶν).
- Levenshtein, V. I. 1965: [Binary codes with the emendation of fallouts, insertions, and substitutions of signals]. *Doklady Akademii Nauk SSSR. Kibernetika i teorija regulirovaniya [Reports of the Academy of Sciences of the USSR. Cybernetics and control theory]* 163. 4, 845–848.
- Левенштейн, В. И. 1965: Двоичные коды с исправлением выпадений, вставок и замещений символов. *Доклады Академии наук СССР. Кибернетика и теория регулирования* 163. 4, 845–848.
- Mackridge, P. H. 1985: *The Modern Greek language. A descriptive analysis of Standard Modern Greek*. Oxford: Oxford University Press.
- Mackridge, P. H. 1996: The Medieval Greek infinitive in the light of modern dialectal evidence. In: Costantinides, C. N., Panagiotakis, N., Jeffreys, E. M., Angelou, A. D. (eds.). *Φιλέλλην. Studies in Honour of Robert Browning*. Venice: Istituto Ellenico, 191–204. (Istituto Ellenico di Studi Bizantini e Postbizantini di Venezia. Bibliotheke. Vol. 17).

- Mackridge, P. H. 2002: [G. Babiniotis, Dictionary of Modern Greek. Athens: Kentro Lexikologias, 1998. 2064 pages. Dictionary of Common Greek. Thessaloniki: Aristoteleio Panepistimio Thessalonikis, Institutouto Neoellinikon Spoudon [Idryma Manoli Triandafyllidi], 1998. xxxii + 1532 pages [Review]]. *Journal of Greek Linguistics* 2. 1, 254–259.
- Mackridge, P. H. 2002: G. Babiniotis, Λεξικό της νέας ελληνικής γλώσσας. Athens: Kentro Lexikologias, 1998. 2064 pages. Λεξικό της κοινής νεοελληνικής. Thessaloniki: Aristoteleio Panepistimio Thessalonikis, Institutouto Neoellinikon Spoudon [Idryma Manoli Triandafyllidi], 1998. xxxii + 1532 pages [Review]. *Journal of Greek Linguistics* 2. 1, 254–259.
- Mackridge, P. H. 2009: *Language and national identity in Greece, 1766–1976*. Oxford: Oxford University Press.
- Mertyris, D. 2014: *The loss of the genitive in Greek. A diachronic and dialectological analysis*. Doctorate of Philosophy. Dissertation submitted in total fulfillment for the degree of Doctorate of Philosophy. La Trobe, Linguistic program. Melbourne.
- Mertyris, D., Kisilier, M. 2017: [Genitive in the dialect of Mariupol: perseverance and loss]. *Studies in Greek Linguistics* 37, 465–476.
- Μερτύρης, Δ., Κισιλιέρ, Μ. 2017: Η γενική στη μαριουπολίτικη διάλεκτο: διατήρηση και απώλεια. *Μελέτες για την Ελληνική γλώσσα* 37, 465–476.
- Nerbonne, J. 2008: Variation in the aggregate: an alternative perspective for variationist linguistics. In: Dekker, K., MacDonald, A., Niebaum, H. (eds.). *Northern voices: essays on Old Germanic and related topics offered to Professor Tette Hofstra*. Louvain: Peeters, 365–382.
- Nerbonne, J. 2011: Mapping aggregate variation (Ch. 24). In: Lameli, A., Kehrein, R., Rabanus, S. (eds.). *An international handbook of linguistic variation*. Vol. 2. Language mapping. Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 476–501.
- Newton, B. 1972: *The generative interpretation of dialect. A study of Modern Greek phonology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Nicholas, N. 2004: [Geographical history of “inta ‘n’ pou”]. *Hellenika* 54, 311–343.
- Nicholas, N. 2004: Η γεωγραφική ιστορία του «ίντα ‘ν’ που». *Ελληνικά* 54, 311–343.
- Oikonomos, Th. M. 1846: *Pragmateia tēs Lakonikēs (Tsakonikēs) glōssēs [Treatise of the Laconian (Tsakonian) Language]*. Athens: P. B. Melachouris & Ph. Karampinis.
- Οικονόμος, Θ. Μ. 1846: *Πραγματεία τῆς Λακωνικῆς (Τσακωνικῆς) γλώσσης*. Αθήνησιν: Τύποις Π. Β. Μελαχούρη καὶ Φ. Καραμπίνη.
- Oikonomos, Th. M. 1870: *Grammatukē tēs Tsaōnikēs dialēktou en ē prosethēsan asmata tina, moirologia, dialogoi, paroimiai, kai leksikon autēs plēres [Grammar of the Tsakonian dialect with some*

- songs, laments, proverbs and their complete glossaries*]. Athens: L. Psylliakou & Sas.
- Οικονόμος, Θ. Μ. 1870: *Γραμματική τῆς Τσακωνικῆς διαλέκτου ἐν ἣ προσετέθησαν ἄσματα τινά, μοιρολόγια, διάλογοι, παροιμίαι, καὶ λεξικὸν αὐτῆς πλήρες*. Ἐν Ἀθήναις: Ἐκ τοῦ τυπογραφείου Λ. Ψυλλιάκου καὶ Σ^α.
- Prokić, J., Çöltekin, Ç., Nerbonne, J. 2012: Detecting shibboleths. In: Butt, M., Carpendale, S., Penn, G., Prokić, J., Cysouw, M., Mayer, T., Moran, S. (eds.). *Proceedings of the EALC 2012 Joint Workshop of LINGVIS & UNCLH*. Avignon: Association for Computational linguistics, 72–80.
- Ralli, A. 2006: Syntactic and morphosyntactic dialectal phenomena in Modern Greek: the state of the art. *Journal of Greek Linguistics* 7, 121–159.
- Rohlfs, G. 1977: *Grammatica storica dei dialetti italogreci (Calabria, Salento)*. Trad. S. Sicuro. Nuova edizione interamente rielaborata ed aggiornata. München: C. H. Bech'sche Verlagsbuchhandlung.
- Ryliik, P. A. 2012: [On a connection between the Modern Greek idioms used on the island of Karpathos and the Dorian dialect]. *Indoeuropeiskoe iazykoznanie i klassicheskaia filologiya [Indo-European Linguistics and Classical Philology]* XVI, 730–741.
- Рылик, П. А. 2012: К вопросу о связи новогреческих говоров острова Карпатос с дорийским диалектом. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* XVI, 730–741.
- Scherrer, Y. 2012: Recovering dialect geography from an unaligned comparable corpus. In: Butt, M., Carpendale, S., Penn, G., Prokić, J., Cysouw, M., Mayer, T., Moran, S. (eds.). *Proceedings of the EALC 2012 Joint Workshop of LINGVIS & UNCLH*. Avignon: Association for Computational linguistics, 63–71.
- Schirmunski V. M. 1976: [The problems of emigrant dialectology]. In: Schirmunski V. M. (ed.). *Izbrannye trudy. Obschee i Grtmanskoe yazykoznanie [Selected works. General and Germanic Linguistics]*. Leningrad: Nauka, 491–516.
- Жирмунский, В. М. 1976: Проблемы переселенческой диалектологии. В сб.: Жирмунский, В. М. (ред.). *Избранные труды. Общее и германское языкознание*. Л.: Наука, 491–516.
- Sitaridou, I. 2014: The Romeyka infinitive: continuity, contact and change in the Hellenic varieties of Pontus. *Diachronica* 31. 1, 23–73.
- Sophocles, E. A. 1860–1862: Four hundred and ninety-ninth meeting. October 8, 1861. Monthly meeting. Remarks on the dialect of Tzakoniá. *Proceedings of the American Academy of Arts and Sciences* 5, 296–313.
- Spiro, A. 2015: The Modern Greek dialects of Albania — A general description and classification. In: Babanov, A., Bogdanova-Begtaryan, N., Bugaeva, L., Virolaynen, M., Zakharov, V., Med, N., Menshikova, Y., Monakhov, S., Sobolev, A., Shamina, E.,

- Khohlova, M. (eds.). *43rd Philological conference, St. Petersburg. 11–16 March 2014. Selected articles*. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 396–417.
- Trudgill, P. 2003: Modern Greek dialects. A preliminary classification. *Journal of Greek Linguistics* 4, 45–64.
- Tsopanakis, A. G. 1955: Eine Dorische Dialektzone im Neugriechischen. *Byzantinische Zeitschrift* 48. 1, 49–72.
- Tzitzilis, C. 2013: Archaisms in Modern dialects. In Giannakis, G. K., Bubenik, V., Crespo, E., Golston, C., Lianeri, A., Luraghi, S., Matthaïos, S. (eds.). *Encyclopedia of Ancient Greek language and linguistics*. Retrieved from http://dx.doi.org/10.1163/2214-448X_eagll_COM_00000034. Access date 13.07.2016.
- Viktorova, K. V. 2009: [Nominal system (Ch. 8)]. In: Kisilier, M. L. (ed.). *Lingvisticheskaia i etnokulturaia situatsiia v grecheskikh selakh Priazov'ia. Po materialam ekspeditsii 2001–2004 godov [Linguistic and ethno-cultural situation in Greek villages of Azov region. Field research data collected in 2001–2004]*. Saint-Petersburg: Aletheia, 193–205.
- Викторова, К. В. 2009: Именная система (Гл. 8). В кн.: Кисилиер, М. Л. (ред.). *Лингвистическая и этнокультурная ситуация в селах Приазовья. По материалам экспедиций 2001–2004 годов*. СПб.: Алетея, 193–205.
- von Thiersch, F. W. 1832: Über die Sprache der Zakonen. Gelesen in der Sitzung der I. Classe der Königl. Akademie der Wissenschaften am 3. Nov. 1832. *Abhandlungen der philosophisch-philologisch Klasse der Königliche Bayerische Akademie der Wissenschaften* 1, 513–582.
- Wiesinger, P. 2011: Deutsche Sprachinseln. In: Althaus, H. P., Henne, H., Wiegand, H. E. (Hrsg.). *Lexikon der Germanistischen*. Berlin; New York: Max Niemeyer Verlag, 491–500.
- Wolk, C., Szmrecsanyi, B. 2016: Top-down and bottom-up advances in corpus-based dialectometry. In: Côté, M.-H., Knooihuizen, R., Nerbonne, J. (eds.). *The future of dialects: selected papers from Methods in Dialectology XV*. Berlin: Language Science Press, 225–243.
- Zacharidis, N. 2014: *Leksiko tou kōnstantinoupolitikou glōssikoy idiōmatos [Dictionary of the dialect of Constantinople]*. Athens: Gavrilidis Publications.
- Ζαχαρίδης, Ν. 2014: *Λεξικό του κωνσταντινουπολίτικου γλωσσικού ιδιώματος*. Αθήνα: Εκδόσεις Γαβριηλίδης.